

ВИЛЬЯМ КОББ

ТАЙНЫ
НЬЮ-ЙОРКА

Классика приключенческого романа

Вильям Кобб

Тайны Нью-Йорка

«Public Domain»

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Кобб В.

Тайны Нью-Йорка / В. Кобб — «Public Domain», — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-501-00019-3

Вильям Кобб – псевдоним французского писателя и журналиста Жюля Лермина (1839–1915), под которым он публиковал свои ранние романы. После нескольких безуспешных попыток завести свое дело, в 1859 г. Лермина начал журналистскую карьеру и занял сторону социалистов, что привело его к неоднократному пребыванию в тюрьме. Лермина оставил богатое творческое наследие, которое включает в себя приключенческие романы (в том числе продолжения «Парижских тайн» Эжена Сю и «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма), «полицейские» романы и рассказы, а также биографический словарь и словарь аргю. Судьбы героев романа «Тайны Нью-Йорка» причудливо переплетаются, образуя предельно запутанный клубок, нити которого ведут в прошлое... Перед смертью крупнейший в прошлом банкир Тиллингест открывает дочери тайну, которая сделает ее миллионершей и позволит уничтожить его бывшего партнера Арнольда Меси, разорившего Тиллингеста. Но чтобы осуществить эту месть, ей следует вступить в брак с бродягой и мошенником Бамом, который на самом деле является Джоном Гардвином – сыном Майкла Гардвина, повешенного десять лет назад за убийство своего брата...

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-501-00019-3

© Кобб В.
© Public Domain

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вильям Кобб

Тайны Нью-Йорка

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Часть первая

Глава 1

Таинственная незнакомка

Нью-Йорк. Середина января. На улице свирепая стужа...

Всю неделю, не переставая, шел снег, и сейчас казалось, что огромный город завернут в саван.

Была суббота. Одиннадцать часов только что пробило. В полнолуние высокие дома Бродвея отбрасывали резко очерченные тени на мостовые, покрытые густым ковром ослепительной белизны. По краям крыш, на колоннадах, на фронтонах гостиниц, на карнизах подвалов – везде лепился снег, собираясь в углах, сглаживая их и причудливо ломая правильность гранитных форм.

Газовые фонари с своими почтовыми ящиками, покрытыми льдом, бросали на землю желтоватый свет, который ложился фантастическими бликами на господствующий белый фон.

Улицы были пустыни. Только изредка кое-где медленно перемещалась вдоль стен фигура полисмена – призрака в плоской шапке, в коротком форменном камзоле и с дубинкой в кожаных ножнах на боку...

Миновав Бродвей, Ратушу, улицу Пирл, войдем в лабиринт узких и темных улиц, плотно окружающих мрачный центр, называемый Могилами.

Название это неоригинально. Подобные Могилы можно встретить в Бостоне и во многих других городах Союза. Это – нью-йоркская тюрьма. Здание ее тяжело, как надгробный памятник. Она сродни египетским монументам, она мрачна, огромна и будто всей тяжестью своей давит заключенные в ней пороки.

От этого места до парка Сен-Джон и далее на восток, а на запад – до реки, по которой перевозят пассажиров, лошадей и экипажи пароходы Бруклина, Вильямсбурга и Лонг-Айленда, – простирается таинственный город – обиталище носителей Зла во всех его проявлениях и видах. В центре этого города и стоит на своем бессменном посту тюрьма.

В то время, когда оцепеневший от холода богатый город мирно засыпает, город бедняков еще бодрствует. Теперь-то видны все его пороки. Граждане этого города дружно заполняют кабаки, берут приступом стойки и прилавки. Завтра воскресенье. Акцизное правило запрещает в этот день продажу спиртных напитков. И поэтому каждый запасается с вечера до полуночи.

Кабачок «Старый флаг», что на улице Бакстер, набит битком.

Перед узкой оцинкованной стойкой проходит бесконечная процессия, и целый дождь бумажек всех цветов и размеров, заменяющих металлические деньги, сыплется на нее.

– Убирайтесь к черту! – орет толстая Нэт, пышная дочь Ирландии, которая не поспевает удовлетворять покупателей и наполнять оловянные посудины, безостановочно к ней протягиваемые.

– Ого! – замечает один из клиентов за столом в углу. – Нэт уже сердится! Значит, скоро полночь!

Между тем толпа стала уменьшаться. Некоторые не имеют терпения дотащиться домой, чтобы там смаковать запрещенный напиток... Они выпили его тут же из оловянной посуды и, одуревшие, подперли стены... Нэт решает, что пора принять энергичные меры...

Но вот является помощь.

Зловещий голос, громкий, несмотря на хроническую хрипоту, звучит с порога. Он был похож на визжание тупой пилы по железной полосе.

– Уйдете ли вы, уберетесь ли, окаянные собаки! – скрежещет он. – Вы, пожалуй, думаете, что я плевать стану на закон, лишь бы вам сделать удовольствие? Ну, подымайтесь, да как можно скорей!

Высокий, крепкий, широкоплечий мужчина подкрепляет слова действием. Он хватается одного за руку, другого за плечо. Они шатаются: то ли под действием виски, то ли от его толчков. Ему все равно. Он толкает их и вышвыривает на улицу. Когда бьет полночь, последний пьяница падает головой вперед в снег, на котором отпечатываются его колени и локти.

Дверь «Старого флага» закрывается, ставни запираются, железные запоры фиксируются болтами.

День, посвященный молитве, начался.

В кабачке остаются только трое посетителей. Они неподвижно облокотились на стол.

Догги, хозяин кабачка «Старый флаг», последним толчком плеча в дверь убеждается, что она заперта, а затем подходит к этим троицам.

– Эй, старики! Вы остаетесь здесь спать?

И по плечу каждого из пьянчуг он отвешивает весомый удар.

Один из них от толчка катится со скамейки и опускается на пол как мешок с картошкой.

– Проклятье! – ворчит Трип, второй из этой грациозной тройки.

Он оборачивается, скрежеща зубами, как собака, которая готова укусить. Но его лицо мгновенно разглаживается – он узнал друга.

– Доброе утро, Моп! – кричит Догги, пытаясь разбудить второго спящего.

Затем он оглядывается по сторонам.

– А где же Бам?

Тут он замечает, что Бам и есть тот, кто уже лежит на полу.

– Ох! – говорит Трип, махнув рукой. – Славный парень, но слаб...

Бама оставляют на полу и начинают разговор. Моп – имя которого или, вернее, кличка, означает Тряпка – существо жирное, маслянистое, с толстыми губами, большими глазами, толстыми обвисшими щеками. Оно распухшее, раздутое, обрюзглое...

Трип по кличке Подножка – человек поношенный, зеленоватый, исхудалый, с моргающими и красными глазами.

Что же касается того, которого звали Бам (Мошенник), то о его лице нельзя ничего сказать, так как его не видно в мутной темноте, его окружающей.

Грязная посуда еще стоит на столе. Собеседники негромко подводят итоги прошедшего дня, героем которого стал Моп, обобрав одного джентльмена, возвращавшегося из какого-то клуба в санях.

– Рискованно! – замечает Догги. – Так можно заработать ожерелье из пеньки¹.

– Пустяки! – отвечает Моп, кладя на стол портфель. – Немой² не может говорить...

– Покажи-ка, – бросает Трип, протягивая руку. – О! Тут документы!³

– Подай их мне сюда, – произносит Догги тоном человека, облаченного властью и привыкшего к повиновению.

Но в тот момент, когда он только что вынул несколько бумаг из портфеля и собирался рассмотреть их, глухой и слабый стук раздается у двери «Старого флага».

– Что это? – вздрагивают мошенники.

– Тсс... – шепчет Догги.

Он гасит лампу и прислушивается.

Новый стук... На этот раз можно различить, что стучат палкой или хлыстом.

¹ Виселицу.

² Портфель.

³ Банковые билеты.

Догги кричит грубым голосом:

– Кто там? Проходите своей дорогой!

– Откройте, откройте сейчас же, – отвечает свежий и молодой женский голос.

– Знаете, – говорит Трип, – будем осторожны... Это не шутка ли полиции?..

– Погодите, я узнаю...

Догги, человек предусмотрительный, подтаскивает к двери стол и, вскарабкавшись на него, открывает потайное окошечко в передней стене.

На этот раз голос повторяет более нетерпеливо и сердито:

– Открывайте же... скорей... скорей...

– Ну? Что? – спрашивают Трип и Моп.

– Женщина, – отвечает Догги.

– Одна?

– Одна. Она приехала в санях... Одето богато... К черту! Я открываю...

Да, нечасто такое происходило в этом черном и грязном притоне!

В проеме двери вместе с волной холода возникает силуэт молодой женщины. Она высока, с густыми каштановыми волосами, роскошными волнами падающими на меховой воротник. Догги с лампой в руке невольно отступает назад при виде ее очаровательного лица, украшенного огромными голубыми глазами... Бархатная кофточка подчеркивает тонкую талию девушки... Рука, обтянутая тонкой перчаткой, придерживает складки длинной юбки-амазонки.

– Наконец! – говорит она сухо. – Слава богу, что вы решились открыть!

Затем, входя в помещение, произносит:

– Добрый вечер, джентльмены!

Трип и Моп встают.

Красавица скользит взглядом по притону и не может, да и не старается сдержать брезгливой гримасы. Но это длится лишь мгновение – и она ослепительно улыбается.

– Прошу прощения, джентльмены, – произносит она мягким и вместе с тем уверенным голосом, – что беспокою вас в такой поздний час, а главное – во время столь серьезных занятий...

Трип сделал жест галантного протеста, скопированный Мопом и подтвержденный Догги.

– Но, – продолжала она, – меня извиняет важность дела, которое привело меня сюда...

– Готовы к вашим услугам, мисс, – поторопился сказать Догги своим уже известным нам хриплым голосом.

– Благодарю. Впрочем, я не задержу вас надолго. Я ищу... одного... джентльмена... с именем довольно странным, которое я, как нарочно, именно в эту минуту забыла...

Действительно, в этот момент девушка яростно ворошила свою упрямую память.

– Джентльмена? – спросил Догги, невольно оглядываясь вокруг. – Уверены ли вы в том, что говорите?

– Джентльмен носит довольно странное имя... Оно состоит из одного слога...

– Может быть, Трип? – вскрикнуло зеленоватое существо с этим прозвищем.

– Нет, не так...

– Тогда, может быть, Моп! – сказал другой, делая шаг вперед.

– И не так...

– Тогда, возможно, – рискнул сказать Догги, – это Бам...

– Бам, Бам! Да-да, вы правы...

Это воровское прозвище как бы оскверняло ее детские уста.

Двое субъектов с такими же односложными именами почувствовали ревнивое разочарование. Искали Бама. Почему Бама, а не Трипа и не Моп?

– И вы действительно ищите Бама? – вкрадчиво обратился к ней Догги.

Он приблизил лампу к своему лицу, делая таким образом последнюю попытку предложить собственную персону.

– Я сказала: Бам! – отчетливо проговорила незнакомка.

Послышались три вздоха разочарования.

Трип, Моп и Догги движением, полным безропотной покорности судьбе, указали под стол, не произнося ни единого слова.

– Где же он? – спросила красавица.

– Под столом, – коротко ответил Догги.

Он опустил лампу, и она осветила груду лохмотьев, в которой трудно было определить человека.

– Что он делает под этим столом?

Догги колебался.

– У него в шляпе был слишком тяжелый кирпич... Вот он и перетянул...

– Я не понимаю...

– Тысячу извинений! – сказал Моп, снисходя к ее невежеству в области лингвистики, – он пьян, как кентуккиец.

Молодая леди побледнела.

– А! Он пьян! – прошептала она. – Пьян! Пьян!

И она еще раз повторила это слово с выражением ужаса.

Трип взял за плечи валявшегося без чувств на жирном полу человека и выволок вперед. Затем, продев свои руки ему под мышки, сказал:

– Эй, ты, старый черт! Очнись чуть-чуть... С тобой хотят поговорить!

Свет лампы падал на лицо несчастного, голова его бессмысленно качалась. Лицо было синим. Красноватые веки едва прикрывали тусклые глаза. Нижняя губа отвисла, ее покрывала белесоватая пена. Из груди вырывалось глухое хрипение.

– Вот видите, – сказал Догги, – от него ничего не добьешься...

Девушка низко склонилась над пьяницей. Она пристально смотрела на него, как будто желая выспросить о чем-то эти обезображенные пороком черты.

Затем, выпрямившись и взглянув на остальных, смотревших на нее с напряженным вниманием, сказала:

– Джентльмены, отнесите этого человека в мои сани.

– Что? Что вы говорите?.. – спросил озадаченный Трип.

– Но, – сказал Догги, – не можете же вы увезти его в таком состоянии!..

– Последний раз, – сказала молодая девушка, – я вас предупреждаю, что не имею ни времени, ни права ждать!

Догги первый решился заговорить смелее:

– Ручаетесь ли вы, по крайней мере, что наш достойный друг – так как он все равно что наш брат – не подвергнется никакой опасности?..

– Довольно разговоров! Думаю, это положит конец вашей недоверчивости...

И незнакомка бросила на грязную стойку кошелек, звон содержимого которого прозвучал неотразимым аргументом.

Без дальнейших колебаний все трое взяли Бама, по-прежнему неподвижного, и приподняли – кто за голову, кто за руки и ноги...

Незнакомка вышла и села в сани.

– Благодарю! – сказала она.

После этого она дернула вожжи и тут же скрылась в пелене пурги.

Глава 2

Как умирают банки и банкиры

Уолл-стрит – улица банков и страховых обществ. Там устраиваются все финансовые дела, там считаются, катятся, падают и собираются доллары.

К Уолл-стрит примыкает Нассау-стрит, которая имеет вид груды мусора и камней. Она заканчивается кварталом Бродвей, великолепные дома и роскошные магазины которого тянутся в бесконечную даль и здесь же, с угла церкви Троицы, восхищенному глазу открывается «Река Востока», усеянная кораблями, испещренная их стройными мачтами и дымящимися трубами пароходов.

Около Малого Казначейства обращает на себя внимание богатый двухэтажный дом. Его высокие остроконечные окна закрыты шторами. Четыре широкие ступени ведут к подъезду. Первый этаж украшен фронтоном, поддерживаемым колоннами с коринфскими капителями.

Черная мраморная плита, укрепленная четырьмя золочеными болтами, красуется у двери. На ней видны следующие слова: «С. Б. М. Тиллингест – Банк Новой Англии».

Имя Тиллингеста очень известно. Его подпись принимается всеми, и он пользуется большим кредитом. Одним взмахом карандаша в своей записной книжке он решает вопросы процветания или упадка других банкирских домов. Дом же его – храм, воздвигнутый торжествующей спекуляцией.

В одной из комнат первого этажа сам Тиллингест лежит на кушетке, бледный, с лихорадочно горящими глазами. Его бледные губы конвульсивно подергиваются. Возле него стоит за пюпитром поверенный, который пишет под диктовку и передает банкиру один за другим листы, заполненные цифрами.

Тиллингест умирает. Два часа тому назад его осмотрел доктор и на настоятельный вопрос о его болезни ответил, что смерть последует не позже чем через сутки.

Банкир улыбнулся. Смерть для него – тот же вексель, подлежащий уплате, – вот и все...
– Продолжайте, – сказал он поверенному сухим голосом, – граф д'Антони, Кравель и компания...

– Сто двадцать тысяч долларов.

– Хорошо. Прибавьте к пассиву. Что еще? В Олбенский банк?

– Семьдесят пять тысяч...

– Хорошо. В Филадельфию?

– Двести пятьдесят шесть тысяч...

– Хорошо...

– Итого?

– Вот он.

Сухой смех вырвался из груди умирающего.

– Семь миллионов семьсот восемьдесят тысяч долларов... М-да... трудно, очень трудно!..

В эту минуту послышался с улицы скрип саней. Лошадь остановилась под окном банкира.

– Мисс Эффи приехала, – сказал поверенный.

– Наконец-то! – воскликнул Тиллингест. – Идите, я должен остаться один...

Он прислушивается. По лестнице идут... Легкие шаги принадлежат дочери банкира, мисс Эффи Тиллингест.

Она открывает дверь.

За ней двое слуг вносят человека, голова которого закатилась, а руки неподвижно повисли. Это Бам.

Тиллингест взглянул на пьяницу, которого положили на ковер и который стал ворчать...

Слуги по знаку банкира вышли.

– Вот, папа, – сказала, смеясь, Эффи, – имею честь представить прелестнейшего мистера Бама!

Наступила минутная пауза.

Эффи стояла перед отцом, сложив на груди руки и высоко подняв голову.

Тиллингест улыбался. Он как будто гордился смелостью своей дочери.

Картина была странная.

Банкир лежал на своей кушетке. Черты лица его были правильны и тонки. Нос узкий и длинный, рот сжат, бледные губы имели ясное и строгое очертание. Волосы умирающего прилипли к вискам прямыми и сухими прядями. Он не носил бороды, но имел довольно длинную эспаньолку, начинавшуюся выше подбородка и торчавшую вперед вследствие постоянного движения его левой руки, машинально поднимавшей ее.

Лицо его выражало недюжинную энергию и волю, но в то же время и мелкую хитрость. Это было лицо делового человека, находящегося в состоянии постоянного риска, принимающего мгновенные решения, смелого, напористого, но всегда вынужденного скрывать свои чувства под маской равнодушия.

Эффи была красавицей, какими бывают девушки Севера, с их прозрачным белым цветом лица, глубокими, томными и в то же время невинными глазами, с природно вьющимися роскошными волосами. Чертами лица она походила на отца: та же точность очертаний, то же изящество. Ноздри были округлены глубоко выгнутой линией. Рот был правильный и грациозный. Что же касается глаз, то их умная острота, подчеркнутая холодной твердостью, в точности воспроизводила взгляд отца.

Она была стройна и высока, но ей не была присуща худоба англичанок, напротив, прекрасные формы ее тела вполне могли бы вдохновить античного ваятеля и художника эпохи Ренессанса.

Десять лет назад умерла ее мать. С тех пор она стала для банкира другом, товарищем, которому он поверял все свои тайны. Она испытала все страсти того зеленого стола, за которым сражаются промышленники и банкиры, что не могло не отразиться на ее оценках явлений окружающего мира. Честность и мошенничество стали для нее лишь разными формами одной и той же удачи.

Эффи удивляла Нью-Йорк своей роскошью. Она хотела быть богаче самых богатых, поражать самых изобретательных и роскошных дам своими разорительными фантазиями и неожиданными капризами возбужденного воображения. Благодаря урокам отца в восемнадцать лет она уже была холодна и расчетлива...

Прежде чем рассказать, что будет происходить в комнате, где находятся умирающий, юная леди и пьяница, мы должны вернуться к происходившему здесь же несколько часов назад.

В эту же комнату Тиллингест позвал свою дочь. Это было в то время, когда доктор, уходя, объявил ему свой приговор.

– Эффи, – сказал Тиллингест, когда она вошла, – я должен сообщить тебе важную новость...

– Я слушаю, папа.

– Ты уверена в моей способности вести дела?

– Конечно, папа, точно так же, как и вся Америка.

Банкир улыбнулся. Эта похвала была ему дороже дочернего поцелуя.

– Что же дальше? – спросила Эффи.

– Но, дочь моя, и великих полководцев иногда преследует судьба! И тогда наступает день, когда по фатальному стечению обстоятельств – более сильному, чем воля, – самые лучшие комбинации неожиданно лопаются, или люди, верные им солдаты, неожиданно выходят из-под контроля, или цели, казавшиеся с первого взгляда легко достижимыми, вдруг становятся недо-

сягаемыми... И вместо блестящей победы – что поделать – приходит поражение! Приходится бежать, куда глаза глядят! Великий полководец, бледный, но спокойный, еще пробует удерживать возле себя горсточку верных и смелых солдат... Но – слишком поздно! Все рушится! Все погибло... Все пропало!.. На войне битва длится три дня... На бирже – три года. И так, Эффи, целых три года Тиллингест боролся, придумывал комбинации, маневрировал... Не теряя ни минуты, без отдыха и сна твой отец три года двигал миллионами, как другие двигают армиями... Он все испробовал... и вот, разбитый, побежденный свирепой судьбой, а, возможно, и вследствие происков коварных врагов – так или иначе Тиллингест вдруг видит себя раздавленным, уничтоженным, пораженным! Дочь моя, отец твой, один из хозяев всемогущей Америки, один из царей спекуляции, символ Уолл-стрит, – теперь разорен. Через три дня имя его будет в списке банкротов... Вот, Эффи, новость, которую я хотел сообщить тебе...

Старик, произнося эти ужасные слова, привстал на своей постели... Он как будто хотел еще бороться... Его остановившиеся глаза будто ждали какой-то неведомой помощи, которая дала бы ему возможность надеяться... Но нет – все было кончено... Ни одного луча света... Никакого выдоха... «Банк Новой Англии» рушился... Здание уже шаталось и готово было упасть.

Эффи молча смотрела на отца.

– Это не все еще, – сказал Тиллингест.

В голосе его зазвенел металл.

Эффи выпрямилась в ожидании нового удара.

– Знаешь ли, Эффи, кто меня разорил?.. Старинный друг...

На слове «друг» он сделал четкое ударение.

– Никогда не забывай этого имени, Эффи: этого человека зовут Арнольд Меси!

Эффи молча кивнула.

– Я так уверен в победе, так уверен в том, что могу разорить этого человека, что возобновил бы борьбу завтра же... Если бы мог... Да, я должен сказать тебе всю правду. Через двадцать четыре часа Тиллингест, израненный, разбитый, раздавленный, умрет как солдат на поле сражения. Я это знаю, мой доктор сказал мне всю правду. Я требовал это от него... И так, дочь моя, ты разорена и завтра будешь нищей сиротой...

Эффи сделала странное движение, а затем, по-мужски протянув руку отцу, сказала:

– Что поделать? Я не сетую на тебя.

– Благодарю тебя, – отвечал Тиллингест, довольный ее словами. – Выслушай меня еще...

Следующие слова он особо подчеркнул.

– Я хочу, чтоб ты была богата, Эффи. Я хочу, чтоб ты отомстила за меня и разорила его, слышишь ли? Чтоб ты раздавила этого Арнольда Меси... И чтоб достичь этой цели, я хочу дать тебе в руки средство, сильное средство... Я оставляю тебе в наследство мужа и приданое...

– Кто же этот муж? – спросила Эффи.

– Ты сейчас узнаешь это.

– А приданое?

– Это тайна, которая сделает тебя миллионершей.

...Через час Эффи входила в кабачок «Старый флаг».

Глава 3

Сын висельника

Бам все еще лежал на ковре.

Слово «лежал» не совсем точно отражает ситуацию. Пьяный скорее представлял собою грудку тряпья, не имеющего ничего общего с живым человеком. Руки его были нелепо подвернуты под туловище. Голова запрокинута, а ноги были скручены в сложную комбинацию, которую народ так удачно назвал «ружейным курком».

– Этот человек пьян? – спросил Тиллингест.

– Еще как, – ответила Эффи.

– Ну, – сказал банкир, – его нужно поскорее привести в чувство... Мне нужно с ним поговорить, а ты знаешь, что я не могу терять время.

Эффи минуту додумала, вышла и возвратилась через несколько минут с флаконом в руке.

Она встала на колени перед Бамом, налила себе в руку несколько капель благовонной эссенции и начала растирать виски пьяницы. Затем, преодолев отвращение, подула немного на лоб, освежая таким образом его пылающую голову.

Не прошло и пяти минут, как Бам глубоко вздохнул и попытался приподнять голову.

Тогда Эффи обвила руками его шею и приподняла голову. Нельзя представить себе ничего более странного и отталкивающего, чем сочетание этих двух соприкасающихся голов! Одна – царственно красива и свежа, другая – искажена и порочна.

Она еще раз смочила ему виски духами.

На этот раз Бам вздрогнул и встряхнул головой, будто этот запах пронзил его насквозь. Конечно, в кабачке «Старый флаг» едва ли можно было научиться дегустировать духи. Неизвестное всегда страшит...

Губы его дрогнули и предприняли определенное усилие произнести какое-то слово.

– Он приходит в себя, – сказала Эффи.

Бам заворчал и – о, верх неприличия! – вместо горячей благодарности произнес совсем иное:

– Да пошли вы к...

Затем Бам предпринял попытку вырваться из рук Эффи и приподняться, но снова обессиленно повалился на ковер.

– Черт возьми! – пробормотал он: – Да оставите ли вы меня в покое? – Потом он добавил: – Я хочу пить.

Красавица смочила ему губы водой, нисколько не теряя присутствия духа.

– Тьфу! – заворчал пьяница. – Что за мерзость вы мне дали?

При этом он поджал ноги и попробовал встать. Эффи, ловко воспользовавшись этим движением, приподняла его с силой, которую нельзя было подозревать в ней, и бросила в кресло. Бам опустился на подушки, просевшие под тяжестью его тела... Первым ощущением его был испуг. Он опять попытался привстать и снова упал, ругаясь.

Затем, будто проснувшись, открыл глаза и стал осматриваться.

– Вам лучше? – спросила Эффи ласковым голосом.

Бам обернулся, ища того, к кому бы мог быть обращен этот вопрос и, конечно, никого не обнаружил.

– Я говорю с вами, – сказала Эффи. – Я спрашиваю вас: лучше ли вы себя чувствуете?

– Да право... право... ничего! Благодарю... – бормотал Бам, у которого в голове мысли плясали бешеный танец.

– Успокойтесь, – сказал в свою очередь Тиллингест ровным голосом, – и не бойтесь ничего. Вы у друзей.

Тогда Бам вытаращил глаза.

– У друзей? Я-то? Здесь?

Он никак не мог предположить, что у него есть друзья в таких салонах, убранных роскошными тканями, с такими толстыми коврами и мягкими креслами.

Следуя естественному течению мыслей, он перевел взор с окружающей его мебели на себя самого и решил, что если чудеса существуют, то кабак «Старый флаг» еще мог превратиться в роскошнейшее жилище, но уж никак не Бам – в изящного джентльмена.

Действительно, его одежду никак нельзя было назвать изысканной. Нечто вроде жакетки, когда-то клетчатой, черно-белой, а вследствие изношенности ставшей одноцветной и бесформенной, плохо скрывало полное отсутствие белья. Что же касается панталон красноватого или скорее непонятного цвета, то они свисали клочками на его башмаки, перевязанные тесемками, и без одной подошвы, что была потеряна во время рысканья по улицам.

Тем временем Бам все более приходил в себя благодаря тому внутреннему очагу, тепло которого возвращало его к жизни.

Вдруг какая-то мысль промелькнула в его глазах. Он обернулся к Эффи и смущенно кашлянул.

– Не можете ли вы, мисс, дать мне каплю виски?

Девушка взяла с камина дорогой резной графин и принесла его на хрустальном подносе. Тиллингест взглядом дал понять дочери, что желает остаться с этим человеком наедине.

Эффи кивнула. Когда она выходила, Бам встал, прислонился к спинке кресла и низко поклонился ей. Поклон этот был достоин актера Фредерика Леметра в роли Робера Макера!

Бама освещала лампа с матовым колпаком. Это был хорошо развитый двадцатилетний парень. Его густые черные волосы падали на лоб крупными завитками. Он откинул их назад обеими руками, как чистят траву граблями. Лицо его было в фиолетовых крапинах, но под налетом пьянства и разврата можно было заметить изначальную правильность его черт. Нос, довольно широкий у ноздрей, имел прямую и благородную форму. Чувственный рот окаймлялся густыми черными усами, и темно-каштановая борода, к которой бритва не прикасалась целую неделю, кустилась вокруг щек и подбородка.

– Дело в том, – начал банкир, – что я очень болен... Я умираю. Позвольте мне не терять время на вступление. Отвечайте на мои вопросы как можно короче...

Тон умирающего произвел некоторое впечатление на Бама, и он на всякий случай поклонился.

– Сначала нужно, – продолжал банкир, – чтоб вы знали, у кого вы находитесь и кто я такой. Мое имя Тиллингест, хозяин «Банка Новой Англии».

Чтобы представить себе весь эффект, произведенный этим вступлением, нужно увидеть мусорщика, у которого Ротшильд попросил бы займы два франка.

Бам отшатнулся.

– Что такое! – воскликнул он.

Он хотел уже заявить, что ничего здесь не украл, да и не собирался ничего красть, но сдержался и уставился на банкира в ожидании разгадки...

– Назвав вам свое имя, – продолжал Тиллингест, – попрошу и вас представиться...

– А вы не знаете меня?

– Возможно.

– Меня зовут Бам, – ответил не без достоинства завсегдатай «Старого флага», – я Бам из дома «Трип, Моп, Бам и компашка», хорошо известного в Нью-Йорке, – сказал он, цинично ослабившись.

– Я сказал вам, что не могу терять ни минуты времени... В настоящий момент ваше счастье в ваших руках... Советую вам не терять его... Напрягите лучше свою память и скажите, не имели ли вы какого другого имени...

Бам колебался. Его недоверчивые глаза остановились на бледном лице умирающего.

– Нет, – резко ответил он.

– Вы неоткровенны... напрасно... или ваша память изменяет вам... Позвольте помочь ей... Не родились ли вы в Антиохии в пятидесяти милях от Сан-Франциско?

Бам молчал.

– Одним словом, – продолжал нетерпеливо Тиллингест, – вас зовут Джон Гардвин, и вы сын Майкла Гардвина, повешенного десять лет тому назад за убийство своего брата, Айка Гардвина.

Бам сжал кулаки и сделал угрожающее движение в сторону банкира. Нисколько не смутясь этим покушением, банкир протянул руку, взял маленький револьвер, лежащий на стоявшем рядом столике, и небрежно положил его к себе на колени.

Результатом этого простого действия было угасание минутной вспышки Бама, который ограничился выразительным ворчанием.

– После несчастного происшествия, жертвой которого стал ваш отец, вы уехали в Филадельфию... Так?

– Да.

– Там некий грешок, совершенный в парке Фермаунт среди толпы, привел вас в тюрьму, где вы пробыли несколько месяцев. Четыре года спустя вы оказались в городской тюрьме Бостона...

– Вследствие другого грешка, – заметил Бам.

– Случившегося в отеле «Риверс»... Вы два года размышляли о грустных последствиях этой новой шалости.

– Два года, это верно...

– Вам тогда еще не было и девятнадцати лет. В эти годы вы уже поняли, что для захватившей вас деятельности нужна более обширная арена, и переезжаете в Нью-Йорк... где вы находитесь уже полтора года, не правда ли?

– Абсолютно точно, полтора года.

– И кажется, не разбогатели, – сказал банкир, бросая взгляд на лохмотья своего собеседника.

Надо сказать, что Бам был очень сообразителен. Если в первой половине разговора он выказывал умышленный цинизм, то теперь он ясно понимал, что ведь не для того же привез его к себе один из первых банкиров Нью-Йорка, чтоб изложить ему его биографию...

Значит, тут скрывалась тайна, которая должна была теперь же выясниться. Вероятно, начиналась игра, но играть надо было осторожно.

– Мистер Гардвин, – продолжал Тиллингест, – есть ли у вас планы на будущее?

– Ах, – произнес Бам, небрежно забрасывая ногу на ногу, – не совсем. Должен признаться, что со времени моего приезда в Нью-Йорк я со дня на день ожидаю случая, который решил бы мои проблемы.

– Что ж, тем лучше. Сейчас я предлагаю вам именно такой случай.

– В самом деле?

– Вы, конечно, не скрываете от себя, что избранный вами путь таит некоторые опасности... Сознвайтесь, что эти опасности несоразмерны с возможными выгодами... Вы стали вором... Вы крадете то там, то сям несколько долларов. Какой-нибудь взлом – дело небезопасное, – возможно, доставит вам небольшую сумму денег, которая не удовлетворит ваших потребностей, между тем как в конце этого же пути – Синг-Синг⁴ или виселица.

– Как выражаются на деловом языке – баланс неверен. Вы правы.

⁴ Уголовная тюрьма в Нью-Йорке.

– Теперь, – продолжал Тиллингест слабеющим голосом, – не перебивайте меня больше. Хотите, чтоб я дал вам возможность за короткое время приобрести огромное состояние? Я говорю не о нескольких тысячах долларов, а о сотнях тысяч... Если вы согласитесь на условия, которые я вам предложу, Бам исчезнет навсегда, точно так же, как и Джон Гардвин... от вашего прошлого не останется и следа... Нью-Йорк будет знать только предприимчивого, смелого молодого человека, поражающего даже богачей своей роскошью, одним словом, банкира, подобного Тиллингесту, Арнольду Меси и многим другим, которых я мог бы назвать по именам. Что вы на это скажете?

Пока Тиллингест говорил, глаза Бама расширились все больше и больше. Он спрашивал себя, не упал ли он опять под стол в «Старом флаге» и не пора ли просыпаться. Он смотрел на умирающего, разинув рот, и не находил слов для ответа.

– Поняли ли вы меня? – спросил Тиллингест тихо и отчетливо. – Я предлагаю вам средство стать одним из самых могущественных людей, одним из владык американского рынка... За это я требую только, чтобы вы приняли некоторые условия, которые я сообщу вам, как только вы согласитесь на то, что я вам теперь предлагаю...

Бам сбросил с себя оцепенение.

– Я согласен, – сказал он отрывисто.

– Позвольте мне теперь изложить вам положение дел. Вы – сын повешенного. Вы протестуете против законов вашей страны. Нужно, чтобы произошло полное изменение вашей внешности и образа жизни... Я не требую, чтобы вы стали честным, нет, вы изменитесь только внешне, вот и все! Но в то же время вы посвятите себя полностью коммерческому делу... Не беспокойтесь, у вас будет сообщник, уверяю вас, очень ловкий, потому что это мой ученик... Вы будете ему подчиняться всегда и во всем – в ваших же интересах. И даже потом, когда уже вы сочтете себя посвященным во все тайны этого ремесла, знайте, что в школе старика Тиллингеста вы еще долго будете находить полезные сведения. И потому, верьте мне, во всем этом вы ничего не теряете и должны понять всю пользу, которую можете извлечь из моих предложений...

Бам слушал, не перебивая...

– Вот что меня удивляет, – сказал он, когда Тиллингест остановился. – Я вижу всю свою выгоду, но в чем она для вас... или для ваших родных... До сих пор вы были уверены в моем согласии. Что я такое в самом деле? Бродяга, идущий к тюрьме или к виселице... У меня нет ни имени, ни денег, ни будущего. И вдруг вы мне предлагаете дело, в котором я ничем не рискую, а могу выиграть все! Все, значит, зависит от условий, которые вы мне выставите, а я, как вы понимаете, готов их принять, как бы тяжелы они ни были... Итак, я готов на все, что вы мне предложите!

Тиллингест посмотрел на него:

– Говорите, продолжайте... Я хочу слышать вас... Итак, вы честолюбивы?

Бам вскочил с места.

– Честолюбив? – воскликнул он. – Это слово не совсем точно! Я хочу славы, хочу богатства, как безумный... я хочу во что бы то ни стало занять свое место на этом пиру, где другие обжираются, в то время как я голодаю, как собака... Чем ниже стоит человек, тем выше он хочет подняться... Из глубины пропасти, где я нахожусь, я хочу достичь вершины... Вот так... И, не видя выхода, я часто хотел разбить себе голову о стены моей тюрьмы... Но я слишком слаб... не решился... И в эти минуты пью... дохожу до животного состояния... теряю облик человеческий... И вы со мной заговорили о миллионах! Со мной! О! Если только вы подшутили надо мной – то берегитесь... Как верно то, что я сын Майкла Гардвина, повешенного, – так же верно, что я задую вас этими руками!

Бам был страшен. Лицо его сильно побледнело. Горящие глаза отражали темные страсти обездоленного человека, сердце которого бьется лишь для зависти и ненависти...

– Хорошо! – холодно произнес Тиллингест. – Именно такой человек мне и нужен... Я не ошибся...

Затем, подозвав к себе Бама, он что-то говорил ему, но так тихо, что только его собеседник мог расслышать то, что предназначалось ему узнать.

Было одно мгновение, когда Бам вздрогнул как от удара электрического тока...

Когда он отошел, то был еще бледнее, чем прежде, но непреклонная воля озаряла его лицо.

– Вы поняли меня? – спросил Тиллингест.

– Да!

– Откройте эту дверь и позовите мою дочь.

Бам повиновался. Эффи вошла.

– Дочь моя, – сказал Тиллингест, – вложи свою руку в руку этого человека... Я обещал, умирая, оставить тебе двойное наследство: мужа и приданое... На рассвете священник соединит вас у моего смертного одра... Что же касается приданого, то оно находится в верных руках...

Бам поклонился и подал руку Эффи. Она взяла за руку Бама.

Тиллингест, странно улыбаясь, откинул голову и закрыл глаза: он мог теперь спокойно ждать смерти...

Глава 4

Общество мадам Симонс

Покинем великолепный Бродвей, красоты Центрального парка, памятники Пятой авеню, минуем монастырь Святого Сердца, больницу для глухонемых, парк, названный в честь натуралиста Одюбона...

Пред нами голая и сухая поляна.

В центре ее, окруженное несколькими тощими деревьями, стоит печальное, мрачное здание с высокими стенами из старого камня. Оно имеет вид бездыханного трупа, которого забыли предать земле. Именно так выглядит это сооружение.

Это Альм-Хауз – дом призрения бедных.

Шесть часов утра. Со времени описанной нами сцены прошло двое суток. Оттепель. Моросит мелкий дождь. Земля набухла и превратилась в черное месиво... Дом нищих кажется еще более убогим под этим дождем, и деревья жалобно вскинули свои сухие ветки, как руки, воздетые к небу с мольбой о помощи.

Около Альм-Хауза разбросаны на обширном пространстве груды камней, столбов, деревянных и железных крестов... Все скривилось налево или направо, все пошатнулось, как будто эти знаки могил стараются сблизиться, чтоб утешать друг друга или обмениваться шепотом надежды...

Да, мы на кладбище. Но здесь покоятся лишь тела обездоленных, притесненных и угнетенных, не имевших сил перенести тяжкую долю, сломленных жестоким роком. Это Поттерфильд – кладбище для бедных.

В Альм-Хауз попадают для того, чтоб страдать. Затем рассеянный доктор проходит между белыми койками и, указывая сегодня на одну, завтра на другую, говорит:

– Все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.